

СПЖ Выпуск 11 1999 год

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

*Посвящается
60-й годовщине
со дня смерти З. Фрейда
(1856 – 1939)*

Томск 1999

СМЫСЛ ПСИХИЧЕСКОЙ РИГИДНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ

Лукьянов О.В. (Томск)

Аннотация: Психологический возраст рассматривается как способность идентифицировать реальность в экзистенциальном времени. Необходимым свойством подлинной идентичности во времени является открытость экзистенциальным данностям, воплощенным в каждом событии, открытость необходимости создавать событие, утверждать событие, расставаться со случившимся и прощаться с безвозвратно уходящим. Негативное отношение к названным потребностям связывается с психической ригидностью, смысл которой состоит в том, чтобы зафиксировать осознание во времени как в шаблоне, а не как в необходимости и жизни. Представлен случай экзистенциального анализа на «микроуровне». Анализ случая пересмотра стиля жизни как стиля отношения к собственной растерянности.

Ключевые слова: Психическая ригидность, экзистенциальный анализ, подлинная идентичность, психологическая помощь, смысл, растерянность, способность к психологической ответственности.

Данное исследование направлено на то, чтобы феноменологически дополнить понимание психической ригидности в интегративном определении Г.В. Залевского. Согласно этому определению психическая ригидность – это трудность коррекции и изменения поведения в целом или в его отдельных элементах в связи с объективной необходимостью и степенью осознания и принятия этой необходимости [3, С. 19-41]. В этой статье мы представляем систему анализа трудности, о которой идет речь в определении, на опыте самоопределения как способе существования. Анализируем один из феноменов, являющихся нам как способ существования – стиль самоопределения.

Для формулирования вопроса о феномене сосредоточимся на условиях, определяющих психическую ригидность: объективная необходимость и степень осознания этой необходимости. Выделим качественные характеристики «объективной необходимости и степени осознания этой необходимости», позволяющие сохранять осознанность коммуникативного и транс-коммуникативного контекста. Эти характеристики – интенциональность и идентичность. Р. Мей [8] в книге «Любовь и воля» писал: «Интенциональность является мостиком между нами и объектами. Эта структура смысла, которая делает возможным для нас, субъектов, каковыми мы являемся, видеть и понимать внешний мир как объективный, каковым он является. В интенциональности частично преодолевается дихотомия между субъектом и объектом» [8, С. 243]. Мы можем видеть, что идентичность («нам, каковыми мы являемся»), «объектов, каковыми они являются») и интенциональность неразрывно связаны своим участием в осознании смысла. Осознание идентичности и интенциональности есть осознание вовлеченности, реального присутствия. Предположим, что психическая ригидность связана с недостаточным осознанием субъектом своей вовлеченности в ситуацию, спутанной идентичностью и игнорированием

интенциональности, то есть смысловой структуры общения. «Огромный окружающий нас мир ставит перед нами разного рода вопросы и всевозможными путями испытывает нас. Некоторые испытания мы встречаем простыми действиями, а на некоторые вопросы отвечаем отчетливо сформулированными словами. Но глубочайший из когда-либо поставленных нам вопросов не допускает никакого ответа, а лишь бессловесный поворот нашей воли и сдержанность наших глубочайших чувств, когда мы говорим: «Да, я приму это даже таким!» [У. Джеймс. Цит. по 7, С.294].

У. Джеймс указывает на некоторый способ быть самим собой в конкретной вовлеченности и видеть объекты, такими, какими они являются. Исследуем этот способ подробнее. Способ существования можно определить в категориях возраста. Заметим, что именно возраста, а не времени. У всякой жизни есть молодость, зрелость, старость. В каждом возрасте есть своя мощь и своя потенциальность жизни. Ригидные установки человека на понимание самого себя делают понимание возраста не полноценным, не принимаемым им в полном смысле. Образование и развитие человека соответственно неразрывно связано с достижением ясности в переживании своего возраста.

Наша работа направлена на практическую деятельность, поэтому возраст в масштабе всей человеческой жизни мы будем использовать только в качестве иллюстраций, тогда как рабочим масштабом для нас будут события хронологически меньшей продолжительности. Мы будем употреблять понятие возраста аналогично тому, как можно говорить о возрасте одного дня жизни: рождение и молодость дня – рассвет и утро, пробуждение, разгар дня, напряжение и развитие, закат и вечер – старость дня, уход, смерть, итог. А каждый новый день – это новая жизнь. Таким образом, мы можем говорить о возрасте профессионального становления, возрасте дружбы, возрасте сотрудничества и т.д.

Ощущение возраста в переживании идентичности образуется под влиянием диалогической интенции. Интенции объективной действительности, исходящей из мира обстоятельств, и внутренней интенции – интенции субъекта, определяющей его самого в отношении к этим обстоятельствам, определяющей его как поддерживающего интенцию обстоятельств или отвергающего ее каким либо образом.

Внешние, объективные обстоятельства, часто не соответствия психологическому смыслу, диктуют человеку значения идентичности в переживании возраста. Действительно, «теоретическое» отношение к обстоятельствам жизни легко убеждает нас в том, что детство и отрочество – это время встреч, юность – время утверждения и сотрудничества, зрелость – время потерь и расставаний, старость – время прощаний и прощений. Но полноценность человеческого осознания сопровождается сохранением своей целостности и соответственно сохранением в своей старости событий встреч, а в юности – способности прощать. Когда взрослый человек осознает и ведет себя как ребенок – это инфантильное и ригидное поведение, но и когда молодой человек ведет себя только как молодой человек, когда он не пытается перерасти себя – это тоже ригидность. Знания об установленности человека, о ригидности его установок являются вполне конкретным знанием для организации помогающего психологического воздействия.

Достижение истинной идентичности как чувства себя в своем возрасте – важнейший критерий успешности воспитания и психологической помощи. Добиться какого-либо определенного результата, который достаточно точно и непротиворечиво представлен субъектом, за счет развития технических средств, в том числе и психотехнических, на данном этапе развития науки не самая большая сложность, это скорее вопрос вложения средств, необходимых затрат, материальных, временных, душевных. Это вопрос количества и он решается при наличии достаточных средств. Но психические ресурсы человека часто бывают далеко не исчерпаны, когда человек по всем объективным и субъективным параметрам является немощным и бессильным, когда человек не может представить свою жизнь настолько осмысленно, чтобы захотеть и начать действовать, когда он немощен потому, что растерян, запутан, заблуждается в недоразумениях.

Даже если все научные секреты были бы открыты, человеку пришлось бы искать новые, чтобы не чувствовать, что его собственная жизнь ему надоела. Растерянность в переживании своего возраста определяется людьми такими понятиями, как старость, усталость, скука, неинтересность, или наоборот неуместная детскость, инфантильность, легкомыслие, глупость.

Психическая ригидность возраста имеет свои корни в следующем: возраст характеризуется тем, что внимание человека захвачено и поработано объектами действительности, человек

захвачен конкретным, фактическим, объективным. Установку человека фиксирует в данном случае не его привычка к стабильности, спокойствию, защищенности. Его установку фиксирует негибкая фактичность обстоятельств, в которые он погружен. Можно сказать, что ригидность содержится не в самом субъекте, она содержится в мире. Обстоятельства ригидны, постоянны, неизменны, фатальны [10].

В данной проблеме предметы объективной действительности не просто предметы для психической активности, они суть границы, в которых человек находит предметы для своей активности в борьбе за собственную идентичность и интеграцию. Мы предполагаем, что человек интуитивно идентифицирует психологическое время и психологический возраст, в котором находится и из которого действует.

Ригидность установок идентичности в связи с возрастом проявляется как фиксация на одном из четырех представленных на схеме пространств, когда решение (установка) принимается в суждениях об объектах – предметах этого определенного сектора реальности. Каждый возраст искушает (испытывает) своим определенным образом. Целостность осознания себя требует психической деятельности, связывающей все сектора пространства душевной действительности, но для начала, для инициации осознания с конкретного психического акта необходим хотя бы один сектор.

Идентичность как осознание своего возраста является не просто констатацией факта прожитых хронологических отрезков. Идентичность как уверенность в своем возрасте переживается как сущностная характеристика самого себя [10]. Возраст – категория этическая, переживание возраста возможно только в сообществе с другими людьми и в непосредственной их близости, в контексте их психического (лучше сказать душевного) присутствия. Возраст не оставляет человеку выбора. Не имеет смысла отказываться от своего возраста, это безнравственно. Сложность осознания себя в этом смысле может быть определена в антиномии Я-конкретного и Я-универсального. Возраст – это не однозначная характеристика, он накладывает вполне определенные границы на человеческое осознание и в то же время оставляет множество возможностей для расширения своего осознания и достижения своей целостности. Достижение своей идентичности в возрастной действительности связано с психической чувствительностью к «разнообразию в единстве» всеобщего закона возраста и «единству в разнообразии» проявлений всеобщего.

Трудность достижения идентичности, ее осознания и соответственно анализа определяется необходимостью самоиспытания как переживания, необходимого для того, что бы иметь возраст и быть кем-то. Трудность самоиспытания связана с психическим временем, с тяжестью испытания, с его новизной, неизвестностью и с его неизбежностью, с грузом этого пе-

реживания. Сила будущего времени, накатывающей действительности определяет растерянность человека, растерянность его Я, которое собирается в целое актом надежды. Сила прошлого времени, уходящей, отбирающей действительности также заставляет человека растеряться, превращая настоящее в прошлое, в недоступное. Собранность Я в этом контексте связана с актом знания, опыта, памяти.

Таким образом, мы получаем четыре пространства, в которых понятия и суждения, описывающие экзистенциальный опыт, приобретают внятный смысл, выраженный с помощью объективных и согласованных слов и структур. В то же время они являются описаниями и пониманиями опыта, достигнутыми нами в конкретных случаях. Описания, обладая истиной в отношении всех аналогичных случаев, оставляют достаточно, и даже более чем достаточно неизвестного и потаенного в душевной жизни человека. Их истинность или их лживость определяется не правдой или ложью, а смыслом или абсурдом.

Опишем способы достижения идентичности в терминах данной модели. Одним из самых широко употребляемых способов осознания себя, структуризации себя и расширения самосознания является осознание себя на основании стиля жизни [1, 2]. Разнообразие переживаний, определяющих стиль жизни, мы понимаем в пространстве универсальности своего Я и опытности, знания, очевидности. Интуитивное восприятие единства всех переживаний, собственных и чужих, позволяет становиться собой, объективируя свое восприятие через знания, опыт, память. Суждения, отражающие достижение психологической собранности, структурируют знания, полученные на собственном опыте, с интенцией, свойственной интуитивному непосредственному восприятию. Интуитивное восприятие задает смысловую направленность интерпретациям и пересмотрам своего опыта. В соответствии с этим опыт и знания подтверждают и поддерживают чувство универсальности своего Я, надежной универсальной идентичности. Принятие своего возраста относительно стиля жизни означает адаптивную или, в случае талантливости человека, творческую коррекцию

стиля своей жизни. Поражения в этом испытании характеризуются ригидными установками.

Спутанность идентичности в связи с необходимостью пересмотра стиля жизни. Анализ случая

Студентка С. Рефлексивный текст, написанный в связи с продолжительным участием в проводимых нами образовательных мероприятиях, среди которых были и психологические тренинги самоопределения.

«В последнее время есть много того, что я могла бы рассказать о себе, о своих переживаниях и мыслях, так много, что, когда я начинаю с кем-то говорить, то разговор превращается в мой очень продолжительный монолог о себе, но я стараюсь себя сдерживать, дабы не утомлять собеседника, не отнять его драгоценное время ненужными, быть может, ему вещами - своими проблемами.

Собственно, и сейчас боюсь, что это письмо выльется в монолог о себе, и пытаюсь себя ограничить, так как мне самой может и нужен этот монолог (он все время рвется наружу), но нужен ли он вам (а, может, вообще кому-то) - не знаю. Но и ограничить себя с трудом получается, я постоянно выхожу за рамки того, что хотела написать (хотя писать еще даже не начала)».

Надо сказать, что С. на самом деле хорошо слушает, не навязывается с излияниями, не спешит выразить свою позицию, и описанный монолог, которого С. стесняется, в большей своей части внутренний. Уже этого кусочка текста нам достаточно для того, что бы сделать существенные для понимания выводы. Во-первых, отметим интенции связи субъекта, деятеля, человеческого Я с предметами актов осознания и внимания. Что затрудняет жизнь С., что делает трудной ее душевную реальность? Боязнь отнять время собеседника. Что значит отнять время? И что в этом пугающего? Мы можем интерпретировать этот страх как следствие установки на восприятие времени. Видимо время воспринимается ею как безвозвратно уходящая жизнь. Доминирует направленность в прошлое, в уходящее. Если время - действительно нечто безвозвратно уходящее, значит, его можно только экономить, не тратить, беречь. Необходимость не тратить время заставляет ограничивать себя в действиях, в активности, но это невозможно, так как своя-то жизнь в это время действительно безвозвратно уходит, возникает интуитивное чувство абсурда, потери времени, при его экономии. Абсурдность и неизбежность такого чувства смущает и тревожит. С. пытается найти смысл переживания в знании о другом человеке. Она намерена видеть себе оправдание. Для осознанных действий ей необходимо знание о другом человеке, знание, что ему нужен монолог и осознание С., но этого знания нет.

Почему же нет этого необходимого знания? Оно исчезает. В своем отчете С. отмечает, что после встречи она почувствовала силу и желание написать письмо, но потом это желание пропало, да и силы тоже. Предложение участни-

кам описать свои переживания нашло свое место, пока С. была на занятии, но потеряло свою актуальность дома, в привычной обстановке. С. продолжала самоопределяться в привычном для себя стиле, но она чувствовала экзистенциальное несоответствие. Ее установки на идентичность порождали абсурд. Растерянность была рядом как необходимая фаза переопределения своего стиля. Можно предположить, что избегание растерянности в таких случаях, попытки сохранить свое чувство целостности – суть проявления ригидности и неуспешности. В таких попытках рассеивается сила, исчезает способность действовать, решения не выполняются, а значит и не являются решениями. С. не чувствует себя постоянной, универсальной, хотя именно это кажется и делает. Действительность как будто разорвана на отдельные части.

«Когда я шла на вторую встречу, я пыталась вычленивать то, что для меня сейчас является важным. И я поняла, что самым основным, фундаментальным является то, что у меня нет уверенности в себе, нет практически никакой внутренней системы, способной бороться с моими проблемами, которые дают на меня. А потом задалась вопросом: а почему у меня нет уверенности в себе, почему нет той силы, с помощью которой я смогла бы решить все свои проблемы? Дальше шел перебор причин...».

В качестве причин С. предполагала:

- отсутствие стоящего дела в данный период жизни,
- заикленность на себе,
- уход в себя.

Наши наблюдения показывают, что такие суждения довольно широко распространены среди психологически и философски образованной молодежи. Подобные по значению формулировки можно встретить в популярной литературе по психологии и в жалобах родителей, которые они высказывают психологу относительно своих детей. Прямой анализ таких жалоб может привести к мысли о положительном, прогрессивном мышлении, ведь это жалобы высшего порядка [6, 7], свидетельствующие о стремлении удовлетворять трансцендентные потребности. Но анализ конкретного опыта и конкретного человека показывает, что это не совсем так. Сегодня подобные суждения есть современная форма наивности, так как их «верность и убедительность» иллюзорна, они на самом деле не организуют осознание, не помогают решать и быть собой, они скорее отражают внешние стереотипы, социальные представления о психическом бытии в мире. Заземляясь в реальную ситуацию, эти необходимости «самореализации» многими молодыми людьми переживаются как внешний шаблон. Будучи размыто-мнимо в повседневных мнениях, эти суждения не являются откровением. Часто, наоборот, они ведут к шизоидному расщеплению, когда человек пытается совершенствовать себя в обвиняющем стиле, накладывая на себя повинности «быть таким, как написано». Очевидно, что заикленность на

себе, уход в себя, отсутствие стоящего дела в жизни в этом случае преумножаются. Понять бессмысленность вышеприведенных суждений позволяет анализ смыслов и установок идентичности в предыдущей главе.

«Таким образом, на тренинг я пришла без какой бы то ни было заготовки, с которой можно было бы начать. Но там я снова зарядилась энергией, и снова возникло желание писать письма, но я еще не знала о чем. Но пока я шла домой, снова все как рукой сняло. В последнее время нет энергии, силы, а если и появляется хоть какая-то, то быстро исчезает.»

Это суждение является в значительной степени типичным. Спутанность идентичности в контексте «нормальной» жизни проявляется в ощущении отсутствия силы. Присутствие людей, друзей, события и мероприятия, казалось бы, усиливают человека и пробуждают желание быть кем-то, совершенствоваться, выполнять задания или тренироваться, но нет главного, нет самого интенционального деятеля, некому совершенствоваться, поэтому попытки не приводят к совершенству. В своем осмыслении ситуации С. исходит из предположения о том, что существует какое-то универсальное Я. В своих суждениях она, не задумываясь, употребляет это универсальное Я, но на самом деле это только рациональное предположение, а интуитивного чувства себя, интуитивного переживания своего универсального Я нет, потому и возникает пустота, как только исчезает внешняя неизбежность и внешняя структура. В случае, который описывает С., растерянность является достаточно быстро («уже по дороге домой»), что, конечно, является неприятным переживанием, но позволяет иметь С. паузу в практике осознания. В других случаях иллюзия наличия смысла своего совершенствования закрепляется, и с помощью ригидных установок, направленных на поддержку представлений, все дальше и дальше отчуждает человека от самого себя. Такие молодые люди часто пробуют массу систем самосовершенствования, различные практики и искусства, но бросают, так ничего не добившись. Их попытки рано или поздно приводят к тем переживаниям, которые мы приводим ниже.

«Все плохое начало собираться в кучу:

На следующий день коллоквиум, а я не готова и готовиться нет никакого желания и лень даже себя заставлять.

На этой неделе я совершенно нехотела заболела.

А в связи с этим запустила учебу, не ходила несколько дней в библиотеку. Сейчас бы нагнать, но у меня нет никакого желания идти в библиотеку, заставлять себя что-то учить (голова забита другими более важными для меня мыслями).

Со мной что-то происходит, что-то не в порядке, и, следовательно, я отдаляюсь от людей и погружаюсь в себя, а этого делать нельзя (надо, наоборот, дать выход накопившемуся внутри).

Что именно со мной происходит, я не пони-

маю.

По английскому задавали «вагон» (а занятия по английскому завтра), а я его не открывала – «пыталась» готовится к коллоквиуму по математике.

И, в довершение ко всему, у меня очень сильно разболелась горло, которое нужно чем-то лечить, но кто бы вылечил – мне лень.

Растерянность в пространстве стиля переживается как «сломанность» универсального Я, которое раньше работало. Очевидная необходимость не возбуждает интереса, то, что раньше интересовало в единстве с необходимостью, теперь не интересует, хотя необходимость сохраняется. Знания и опыт становятся какими-то обостренно прошлыми, не помогающими, ненужными, а нужных знаний как раз и нет, и поступление их ограничено тем, что «со мной что-то не так (внутри меня не так, как в моем Я)». Образ, который возникает в осознании С., очень понятен многим молодым и не только молодым людям. Он отражает актуальность и необходимость переживания растерянности для осмысления и переосмысления стиля жизни.

«В результате весь вечер ходила вялая, ленивая, гундящая, раздражительная, а от того сама себе противна». Часто такая напряженная растерянность «заканчивается» полным бессилием, неспособностью взять себя в руки, об этом написала и С., рефлексия такого «пика» показала ей основную разницу между той, которой она была раньше, и той, которой она оказалась.

«Раньше, даже если я раскисала, то, как только кто-то пытался меня жалеть, я сразу же могла собраться, взять себя в руки. Я ненавижу, когда меня жалеют, и эта агрессия давала мне силы. Возвращала мне энергию. А здесь я мало того, что не могла взять себя в руки, да еще довела себя до слез». До описываемых С. переживаний она считала себя человеком, который не плачет, во всяком случае последний раз плакала очень давно. Она «настолько отвыкла от слез, что считала их подконтрольными».

«Что же происходит сейчас. Я плачу, да еще из-за чего. Было бы из-за чего. Из-за самых обычных личных и учебных проблем, с которыми я всегда справлялась раньше». С. удивила неспособностью взять себя в руки, она считала это отсутствием сил. Анализируя себя в прошлом, когда она успешно справлялась с подобными испытаниями, она увидела, что тогда силы появлялись из убежденности в том, что «единственным человеком, на которого я могу всегда и в полной мере рассчитывать, кому могу полностью доверять, являюсь я сама. То есть во всем я должна рассчитывать только на себя, на свои силы. А это значит, что я должна быть сильной всегда, в любой ситуации».

Переживания вечера, когда С. не смогла быть самой собой, привели к тому, что она обратила внимание на свой стиль собираться в целое, который она для себя формулировала как способ «черпать силы», как систему границ, которые раньше служили, а теперь стали ограни-

чивать. Она вспомнила, что давнишние слезы тоже были в аналогичном переживании, когда сформировалось убеждение в том, что она должна рассчитывать только на себя. Мы не можем до конца понять психологическую действительность этого убеждения, но мы можем предположить, что именно тогда сформировался стиль жизни как совокупность интуитивного чувства универсального Я, оснащенного, по-видимому, достаточным количеством образов и стереотипов, символизирующих универсальное Я.

Теперь С. осознала, что ее «способ устарел, а, может быть, рамки стали слишком тесны», что ей необходимо что-то другое. Не зная, что именно ей необходимо, она успокоила себя тем, что позволила себе некоторое время «психосоциального моратория», осознав, что «слезы – это вестник кризиса человека, переходного этапа, рубежа, когда прежний фундамент человека приходит в негодность и человек закладывает новый, который будет служить опорой какое-то время до нового рубежа. Я сейчас вспомнила, что слезы «давно минувших лет» были именно тогда, когда у меня формировался тот фундамент, который так безукоризненно прослужил до этих дней». Анализ этого переживания показал, что предоставленный самой себе мораторий, то есть отсрочка необходимости иметь свой собственный стиль, планировалось использовать для накопления новых знаний о себе в мире, то есть по-прежнему осознавать себя в пространстве стиля, оставаться в том же самом секторе хронотопа, в действительности прошлого времени и в свете универсальных идентификаций своего Я. (см. рисунок).

«Пока писала письмо, поняла, что я снова пытаюсь спрятать себя в себе, точнее, первичнее то, что я снова боюсь доверять людям, опять боюсь подойти с просьбой, разговором, считая, что этим самым отниму у кого-то личное время».

Это послерефлексивное суждение показывает нам необходимость освобождения от ригидности установок воплощающихся в попытках задержаться в пространстве стиля. Ведь таким суждением начинается внутренняя война с самим собой, начинается гипертрофированный рост идеализированного Я [10]. Поиск нового стиля не имеет оснований, если иные психические пространства остаются без внимания, если представления о стиле не открывают других смыслов. Суждение С. показывает нам то, к какому осознанию ей следует стремиться. Чтобы прекратить это «опять стараюсь уйти», прекратить делание того, что уже и так существует и не приносит успеха. Стиль имеет смысл только в парадоксальной действительности всех остальных идентификаций, он не может быть стилем без полноты и целостности осознания идентичности, без открытости наступающему, будущему времени, без идентификации себя как Я-конкретного. Элементы сознания в переживаниях С. ясно указывают на это. Помещающий феномен

стиля жизни в определенный сектор хронотопа, структурируемый определенными неизбежными необходимостями, определенными экзистенциальными данностями, мы хотим показать, как стиль жизни может систематизировать усилия субъекта по осмыслению своего бытия. Система может ригидизироваться, и тогда при ясном и сформировавшемся стиле жизни мы находим спутанную, не подлинную идентичность. Таким образом, и усилия по воспитанию стиля жизни могут систематизироваться на основании переживания идентичности.

Литература:

1. Адлер А. О нервическом характере. - СПб. - М., 1997.
2. Адлер. А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. - Ростов-на-Дону: Феникс, - 448 с.
3. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. - 272 с.
4. Кабрин В.И. Креативность, духовность и личностный рост в нозической и транскоммуникативной перспективе // Сибирский психологический журнал. - 1999. - Вып.10. - С. 83-87.
5. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. - Томск.: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. - 255 с.
6. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. - СПб.: Евразия, 1997. - С.17-69, 167-211.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. - СПб.: Евразия, 1999. - 478 с.
8. Мэй Р. Любовь и воля. - М.: «REFL - book», «Ваклер», 1997. - 376 с.
9. Хорни К. Невроз и развитие личности. - М., Смысл, 1998. - С.152-180.
10. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. - М.: Прогресс, 1996. - С.153-218.

Summary: The psychological age is considered(examined) as ability to identify a reality in existencial time. Necessary property of original identity in time is the openness of existencially givens, embodied in each event, openness of necessity to create event, to assert(approve) event, to part with happened and to be forgiven with irrevocably leaving. Negative attitude(relation) to named necessities contacts psychic rigidity, which sense is to fix comprehension in time as in a pattern, instead of as in necessity and life. The case of existencial analysis at "microlevel" is submitted. The analysis of a case of reconsideration of style of life as style of the attitude(relation) to own lusing.

Key words: Psychic rigidity, existencial analysis, original identity, psychological help, sense, lusing, ability to the psychological responsibility.

К ПРОБЛЕМЕ АГРЕССИВНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Т.Б. Гусева (Абакан)

Аннотация: Рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию агрессии (этологический, психоаналитический, фрустрационный, бихевиористский). Отмечается рост агрессивных тенденций в подростковой среде. Обследованы подростки 11-12 лет с помощью опросника Басса-Дарки и сокращенного варианта теста Кеттелла. Выявлены различные формы агрессивности.

Ключевые слова: Агрессивность, подросток, правонарушения, формы агрессивности.

Термин агрессия чрезвычайно часто употребляется сегодня в самом широком контексте. Различные авторы в своих исследованиях по-разному определяют агрессию и агрессивность: как спонтанную реакцию человека (Лоренц), как стремление к господству (Мориссон), реакцию личности на враждебную человеку окружающую действительность (Хорни, Фромм). Широкое распространение получили теории, связывающие агрессию и фрустрацию (Миллер, Доллард). Интересно в связи с этим отметить, что заслуга превращения агрессии и агрессивности в объект научного анализа принадлежит З. Фрейду.

Основные современные теоретические подходы к исследованию агрессии можно обозначить как: а) этологический, б) психоаналитический, в) фрустрационный, г) бихевиористский,

учитывая, что подобное деление является весьма условным. Во многих эмпирических исследованиях заметно влияние различных точек зрения на данную проблему. Анализ обозначенных подходов убеждает в целесообразности понимать агрессию как целенаправленное разрушительное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.п.). Вместе с тем агрессия - это такие действия или поведение, которые могут включать в себя как прямое нападение, так и угрозу, желание напасть, враждебность [4], что дает основание рассматривать агрессию не